

УДК 321.022

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-4-129-137

Федорченко С.Н.*Московский государственный областной университет*

СЕТЕВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ЛЕГИТИМНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА

Аннотация. В работе предпринят анализ новых сетевых типов обеспечения легитимности политических режимов. Постдемократическая модель, как показано, не просто опирается на постматериальные ценности, но и являет собой особый геополитический ареал, включающий политические и военно-политические сети, завязанные на США с имперско-мессианской аксиологией. Имитационная модель фиксируется в большинстве стран мира и по-прежнему ориентируется на романтизированные идеалы демократии западно-либерального типа. Тогда как режимы идеократической модели усматривают в таких ценностях угрозу для своей легитимности.

Ключевые слова: постдемократия; сетевые технологии; легитимация; политический режим; политическая культура; политическая аксиология.

S. Fedorchenko*Moscow State Regional University*

NETWORK TECHNOLOGIES AND LEGITIMACY OF THE POLITICAL REGIME

Abstract. An attempt is made to analyze the new network types of ensuring the legitimacy of political regimes. It has been shown that the post-democratic model does not just rely on the post-materialistic values, but is a special geopolitical area that includes political and military-political networks tied to the US imperial and messianic axiology. The simulation model is fixed in most countries of the world and is still guided by the romanticized democratic ideals of Western liberal type. Whereas regimes of ideocratic model consider such values to be a threat to their legitimacy.

Key words: post-democracy, network technologies, legitimacy, legitimation, political regime, political culture, political axiology.

Сеть и легитимность власти. В современную политическую науку активно проникает концепт и терминология сетевого общества. Крупнейший специалист в области сетевых технологий Мануэль Кастельс считает, что сеть представляет собой открытую социальную структуру взаимосвязанных узлов, которая может неограни-

ченно расширяться путём включения способных к коммуникации новых узлов на основе схожих коммуникационных кодов (ценностей либо задач) [16, с. 494-495]. К примеру, это – индивиды, экспертное сообщество, бизнес, транснациональные корпорации, лоббистские группы, государство, общественные организации, политические партии и т.п. По мнению Кастельса,

тот актер, который знает коммуникационные коды сети, и обладает властью. На основании этого можно выдвинуть рабочую гипотезу о том, что своеобразным ключом к этим кодам сети являются ценности¹.

Важная особенность сети – отсутствие строгой иерархии в управленческой коммуникации, автономность её элементов, даже если существуют серьезные узлы (активные структурные элементы и центры) сетей [11, с. 57-60]. Социальная структура, обладающая сетевыми признаками, характеризуется высокой динамичностью, управленческой эластичностью, открыта, с одной стороны, для инноваций, а с другой, стремится к сбалансированности, сохранению базового ценностного модуля.

Несмотря на сравнительно недавнюю актуализацию этой темы в политологии, сеть – довольно архаичный, древний общественно-политический феномен. Еще в Древнем Египте фараоны использовали жреческие сети храмов различных древнеегипетских богов² для укрепления политического и культурного влияния государства в новых завоеванных землях. Другими словами, жреческие сети могли работать на усиление легитимности фараона. Но те же сети из жрецов и правителей номов оказывали сопротивление централизованной власти, если фараон пытался ограничить их автономию³. Также в древности важ-

нейшими актерами влияния на политику той или иной страны были торговые колонии, которые, несмотря на связь со своей метрополией, имели определенное самоуправление (торговые сети древней Ассирии, Минойской цивилизации, Финикии, Афин, Этрурии, Рима и т.п.). Торговые и жреческие сети активно использовались для политического влияния и пропаганды культуры древнегреческих полисов⁴, античного Рима. Вместе с тем раннехристианские сети стали серьезным деструктивным фактором по отношению к важным элементам легитимности Римской империи – культу римского императора и древнеримской религии.

В настоящее время сети можно подразделить на социальные (религиозные, коммерческие, диаспоральные, профессиональные и др.), политические и виртуальные (Интернет, e-government, «облачные технологии» и др.). Открытия в области информационных и компьютерных технологий обеспечили материальную основу для всестороннего проникновения архаичных сетевых принципов в структуру нынешнего общества, несмотря на внешнюю несхожесть виртуальной реальности с традиционными коммуникациями.

раоне Аменхотепе IV (Эхнатоне), который вошел в конфликт с сетью жрецов и номархов, стараясь ограничить их власть и ввести новый религиозный культ Атона [3, с. 252].

⁴ Распространение божественных культов приводило к созданию амфикистий – древнегреческих религиозных объединений (на базе культа Аполлона и др.). Любопытно, что иногда активность жреческих сетей на некоторых территориях способствовала появлению амфикистий задолго до формирования централизованных государств (например, в случае Боспорского царства).

¹ Взаимосвязь политической аксиологии с сетевыми механизмами обеспечения легитимности политических режимов – неисследованная тема, имеющая определенные перспективы.

² Именно сети, т.к. древнеегипетский политизм предполагал множество культов, без строгой общей иерархии.

³ Классический случай имел место при фа-

Эволюция сетей зависит, прежде всего, от уровня развития культуры, общества и государства той или иной цивилизации. Уже прежние архаичные политические режимы делились на две подгруппы – те, у которых получилось сосуществовать с сетями и использовать их технологии для упрочнения собственной легитимности, и те, которые вместо симбиоза встали на путь конфронтации с сетями и были изнутри ими разрушены. Получается, что механизм обеспечения легитимности политического режима сетевыми приемами – весьма древнее изобретение. Не случайно еще Макиавелли отмечал, что секрет власти – в способности применять её тайно (*arcana imperii*).

Как правило, легитимность (от лат. *legitimus* – законный, правомерный, согласный с законами) подразумевает не только классическое согласие власти с гражданами, но и конкретные технологии легитимации, предполагающие действенные приемы по созданию эффективной коммуникации между обществом и властью, привлекательного образа государства, политических институтов, властной элиты. Особенности легитимности власти в своё время стал исследовать ещё Макс Вебер [27], рассматривая рационально-правовой, харизматичный и традиционный сегменты этого явления. Между тем специфика стремительной виртуализации нынешнего общества позволяет выделить особую сетевую легитимацию – механизм обеспечения легитимности политического режима с помощью новых сетевых технологий. При этом можно предположить, что, несмотря на древность самого феномена сетей, нынешние виртуальные сети и сообщества

частично отражают реальные социальные отношения, политические сети и политические предпочтения людей, которые, в свою очередь, тесно связаны с легитимностью власти¹. На основании этой гипотезы среди сетевых технологий важно выделить несколько разновидностей – консолидирующие (обеспечивающие стабильную легитимность политического режима) и деструктивные (нацеленные на разрушение легитимности).

Отдельные политологические исследования до сих пор опираются на трехзвенную модель политических режимов (демократия, авторитаризм, тоталитаризм). Её описала в своей книге «Истоки тоталитаризма» Ханна Арендт, которая предположила, что авторитаризм лишь ограничивает свободу, но не упраздняет её полностью, как тоталитаризм [5, с. 528]. Тогда как Фридрих Хайек в «Дороге к рабству» подробно затронул вопрос возникновения тоталитарного государства и его особенностей [26, с. 143, 153]. Вместе с тем данный подход весьма условен, серьёзно устарел и не учитывает специфику политических институтов современных государств, а также новые сетевые механизмы легитимации власти. Тем более, что неоавторитарные тенденции есть и в современных демократических странах, о чём будет сказано позднее. Несмотря на попытку Хайека связать тоталитаризм с ценностями коллективизма [26, с. 142], подобный подход практически игнорирует связь политического режима с политической культурой.

¹С определенной осторожностью политические сети можно рассматривать своеобразным связующим звеном между легитимностью политического режима и сетевыми технологиями.

Известная трехзвенная модель политической культуры Габриэля Алмонда и Сиднея Вербы, выделивших активистскую, подданническую и патриархальную её разновидности [22, с. 58-59], также в силу своей условности и последних исследований в области политологии, вызывает определённый скепсис. Такие идеальные типы обходят стороной проблему политической аксиологии, игнорируют сохранившиеся с архаичных эпох в нынешней виртуальной среде сетевые отношения и специфические отличия различных цивилизаций, поэтому применение их политологами в научных работах превращается в некий карго-культ. Более адекватен и эластичен в этом отношении подход Рональда Инглхарта, возглавляющего проект World Values Survey [1, с. 157]. Согласно Инглхарту, происходит постмодернистская «бесшумная революция», в ходе которой материальные ценности безопасности и регулирования цен сменяются постматериальными ценностями защиты свободы слова и учета мнения граждан в процессе принятия политических решений.

Некоторые ученые призывают переосмотреть социологическую синтагму из преמודерна, модерна и постмодерна из-за критического переосмысления принципа последовательности, а не по причине отвержения самой модели как таковой. Есть подход, согласно которому ценности преמודерна (традиционного общества), модерна и постмодерна могут синхронно сосуществовать во время одного и того же исторического периода [10, с. 16-17]. Результаты исследований Инглхарта подтверждают тот факт, что материальные и постматериальные ценности могут со-

храняться параллельно в одну эпоху в разных странах [12, с. 17]. Такая «перегрузка» прежней модели позволяет учесть особенности политических культур и аксиологий современных политических режимов, по-разному решающих вопросы обеспечения собственной легитимности с помощью сетевых технологий (механизма «тонкой настройки»).

Модели сетевой легитимации политических режимов. Осознание синхронного существования ценностей постмодерна, модерна и преמודерна даёт основания для сравнительного анализа соответствующих моделей сетевой легитимации современных политических режимов. *Постдемократическую модель* сетевой легитимации политических режимов можно вывести на базе научных исследований, посвященных феномену постмодерна¹, отрицающего парадигму модерна без возврата к преמודерну [10, с. 74]. Эта модель связана с такой специфической терминологией, как постобщество, постгосударство, постполитика и, особенно, постдемократия. Британский социолог Колин Крауч под постдемократией понимал особую систему, в которой политики всё больше замыкаются в своем мире, поддерживая связь с обществом при помощи манипулятивных техник, основанных на маркетинговых исследованиях и рекламе.

Политические режимы этой модели (яркие представители – США, Канада, Австралия и т.п.) ставят себя в пример другим режимам в качестве образцов демократии [24, с. 147-148], целенаправленно институализируя лоббист-

¹ Терминологию постмодерна предложил Чарльз Дженкс применительно к новой архитектуре.

ские сети. Однако постдемократическую модель не слишком интересует широкое политическое участие граждан и организаций, не связанных с бизнесом [14, с. 18-19]. Власть избегает вмешательства в капиталистическую экономику, зато имеет место большая роль технологий политического менеджмента, маркетизации политики [23, с. 42-43]. Бизнес и власть стараются существовать в политическом симбиозе, выстраивать между собой политические сети, а не противоречить друг другу. Безусловен примат полной ориентации политиков на экономический рост, способствующий усилению группы технически обученных, послушных власти специалистов, которые поддерживают элиту, нацеленную на развитие технологий и привлечение инвестиций [19, с. 38]. Но примат экономического роста работает до определенного предела – без деструкции государственных институтов рыночными механизмами.

Спектакль электоральной игры и предвыборные дебаты организуются как тщательно срежиссированный политическими менеджерами симулякр [20, с. 267-268], масса граждан играет пассивную, апатичную роль, откликаясь лишь на посылаемые им сигналы [14, с. 19]. За этим скрывается формирование партий в виде электоральных машин, непубличная реальная политика, опирающаяся на взаимодействие между избранными правительствами и элитами, представленными преимущественно деловыми и привилегированными кругами. Неоавторитарные тенденции в этой модели проявляются весьма специфично – посредством установления нового геополитического порядка, который политологи на-

зывают «империей США» [17, с. 41] либо «империей Запада» [15, с. 148]. Иммануэль Валлерстайн такую систему определяет в виде стран «ядра» [2].

Каковы же причины сетевой легитимации режимов в странах постдемократической модели? Во-первых, это распыление и снижение ответственности государства за политические решения в условиях ослабления эгалитарных принципов правительственной политики и развития нового макрокерства с сетевыми традициями мониторинговой демократии¹ и процесса декананса медиа [13, с. 104]. Во-вторых, политические режимы, связанные политическими сетями с постдемократической ойкуменой США и её мессианской эсхатологической составляющей, влияют на политику, национальные приоритеты разных стран, теоретически и методологически рекомендуя (или навязывая) сетевые элементы в государственное управление без сильного центра для подчинения их властной элите [21]. Параллельно постдемократической ойкуменой активизируются в неудобных для неё геополитических либо экономических причинах режимов деструктивные и делегитимационные сетевые технологии «управляемого хаоса» и «цветных революций» для замены нелояльной политической элиты.

Имитационная модель сетевой легитимации политических режимов может вполне опереться на матрицу теории модернизации. С одной стороны, модернизация подразумевает процесс

¹ Мониторная демократия – это новая форма постэлекторальной политики, определяемая быстрым ростом различных типов внепарламентских механизмов контроля власти (новые медиа, сети).

преобразования традиционных (пре-модерных) обществ в современные, где доминируют ценности рыночной экономики, рационализма, демократических институтов западного типа, с другой стороны, модернизация не исключает стратегию «догоняющего» развития некоторых стран относительно государств Запада [2].

Как правило, имитационной модели присуща сильная эклектика политической аксиологии, т.к. модерн являет собой парадоксальное сочетание архаики политической культуры пре-модерна (традиционного общества) и зарождающихся элементов постмодерна. Поэтому этой модели характерна сильная имитационная ориентация на Запад [18, с. 22-29] (даже в условиях видимого противостояния, временных разногласий и латентных конфликтов), западные политические институты (концепт либеральной демократии, многопартийности, парламентаризма), превалирование принципов монетаризма, либеральной экономической политики. К представителям имитационной модели логично причислить большинство современных политических режимов (постсоветские, латиноамериканские, африканские, азиатские страны, некоторые европейские государства и др.).

Основная цель сетевой легитимации режима – обеспечение прочной легитимности политического режима, но без упора на конкретные идеологии и политические идеи (нет последовательной мессианской риторики западных стран на установление демократии по всему миру, в то же время нет и полного отвержения системы ценностей Запада). С этими целями внедряются принципы электронного

правительства западного типа, однако всепроникающего характера этот процесс не приобретает. В странах этой модели часто проводятся эксперименты по внедрению сетецентричных элементов в государственное управление без сильного центра с привлечением западных концептов, в силу чего возникают противоречия в государственном управлении и экономической политике, растет политическая эклектика и риски «цветных революций». Такие реформы проводятся местными элитами из-за глубинных причин – утопической догматики западно-либерального подхода к модернизации и доминирования жесткой ориентации на привлечение зарубежных инвестиций (боязнь потерять инвесторов).

В отличие от режимов постдемократической модели, здесь маркетизация политики, наоборот, жестко нацелена на экономический рост и показатели, что приводит к периодическому ослаблению государственных институтов рыночными технологиями и проявляется в эпизодических «встрясках» – радикальных реформах науки и образования, даже в ущерб собственным научным и образовательным традициям [19, с. 162-163]. Отдельные реформы, провозглашённые улучшить уровень жизни граждан и догнать Запад, на деле приводят к противоположным результатам. Основная проблема кроется в противоречии автохтонной политической культуры и привнесённых институтов политической системы западной версии (как основы политической и экономической модернизации) [4, с. 27].

Обычно пресловутому переходу в постмодерн мешают архаичные сервильные и патрон-клиентарные от-

ношения – наследие от преמודерна (традиционного общества). Модерн в некоторых случаях может закреплять принципы этих специфических архаичных сетей (Россия, некоторые постсоветские страны, Италия, Восточная Европа, Латинская Америка). Так, и в России, и в ряде латиноамериканских режимов сохраняется наследие архаики политической культуры преמודерна, когда граждане относятся к новым институтам (партиям, парламенту, выборам) приспособленчески, мимикрично [25, с. 193-203]. Архаичные черты культур стран имитационной модели хорошо изучены на примере служебных отношений в России [7, с. 18-20] и сервильных в Италии [9, с. 7-8]. На деле получается, что элиты имитационных режимов заимствуют принципы западной экономики, политики и электронного правительства, но практически игнорируют специфику собственных сетей, сохранившихся со времени преמודерна.

Идеократическая модель сетевой легитимации политических режимов сильно завязана на традиционную культуру преמודерна и теоретически может быть обоснована на соответствующих исследованиях в области феномена сакрализации государства [6]. Нынешние идеократические режимы (Китай, Иран, ОАЭ и др.) сочетают передовые сетевые технологии с матрицей своей архаичной политической культуры и аксиологии [13, с. 215, 266], а не просто имитирует западные политические институты и их электронные правительства. Цель сетевой легитимации политического режима – защита от западных подрывных технологий «управляемого хаоса» и «цветных революций». Поэтому здесь имеет место

отвержение имитационной ориентации на Запад, западных политических институтов (концептов либеральной демократии, многопартийности, парламентаризма), либеральной экономической политики. Есть определённое недоверие к маркетизации политической сферы. Вместо этого – ориентация на потенциалы собственной экономики, а не только жесткая привязка к зарубежным инвестициям.

При всей роли политических сетей, большое значение придаётся политической цензуре в Интернете (КНР, КНДР, ОАЭ, Саудовская Аравия), сохраняется недоверие к рекомендациям западных аналитиков по поводу сетевых методов в государственном управлении с принципами слабого центра (присутствует чёткое осознание рисков «цветных революций»). В иранской цензуре сохраняется влияние религиозной аксиологии, религиозных сетей, Корпуса Стражей Исламской революции [8].

Подводя итоги, важно отметить, что предложенная условная классификация – не догма и совсем не отменяет возможности появления гибридных, переходных типов, помимо предложенных трёх моделей сетевой легитимации. Постдемократическая модель, как было показано, не просто опирается на постматериальные ценности, но и является собой особый геополитический ареал, включающий политические и военно-политические сети, завязанный на США с имперско-мессианской и неоавторитарной аксиологией. Имитационная модель фиксируется в большинстве стран мира и по-прежнему ориентируется на романтизированные идеалы демократии западно-либерального типа. Тог-

да как режимы идеократической модели усматривают в таких ценностях угрозу для своей легитимности. Так или иначе, исследование зависимости специфики сетевой легитимации политического режима от политической культуры и аксиологии представляется перспективным направлением в современной политологии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абрамов А.В. Политическая теория и современные политические реалии / А.В. Абрамов, А.Е. Дмитриев, С.Н. Федорченко и др. М.: Граф-пресс, 2012. 260 с.
2. Абрамов А.В. Становление теории модернизации и альтернативные концепции общественного развития // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал) 2012. № 3. С. 35-51.
3. Авдиев В.И. История Древнего Востока. М.: Госполитиздат, 1953. 758 с.
4. Альтернативы развития: Россия между модернизацией и деградацией (политологические очерки) / под ред. Ю.А. Красина. М.: Институт социологии РАН, 2013. 139 с.
5. Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
6. Багдасарян В.Э. Земля или Небо – геократия или идеократия? // Государственная идеология и ценности в государственной политике и управлении (к становлению политической аксиологии). М.: Научный эксперт, 2011. С. 80-83.
7. Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН, 2006. 144 с.
8. Винник Д.В. Цифровой суверенитет: политические и правовые режимы фильтрации данных // Философия науки. 2014. № 2 (61). С. 95-113.
9. Вироли М. Свобода слуг. М.: ВШЭ, 2014. 144 с.
10. Дугин А.Г. Постфилософия: три парадигмы в истории мысли. М.: Евразийское Движение, 2009. 744 с.
11. Зайцева П.В. Теоретические основы функционирования сетевых форм взаимодействия // Экономика российских регионов: мат-лы II молодежного экономического форума (12-13 ноября 2009 г., г. Петрозаводск). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 57-60.
12. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
13. Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М.: ВШЭ, 2015. 312 с.
14. Крауч К. Постдемократия. М.: ВШЭ, 2010. 192 с.
15. Каспэ С.И. Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай. М.: РОССПЭН, 2012. 191 с.
16. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 494-495.
17. Манн М. Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А. Холлом. М.: ВШЭ, 2014. 208 с.
18. Матюхин А.В. Экономикоцентризм в российском либеральном мышлении // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2011. № 11 (262). С. 22-29.
19. Нуссбаум М. Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки. М.: ВШЭ, 2014. 192 с.
20. Рыбина М.В., Федорченко С.Н. Электоральные технологии политического менеджмента // Известия Московского государственного технического университета – МАМИ. 2012. Т. 3 (№ 2). С. 267-274.
21. Савин Л.В., Федорченко С.Н., Шварц

- О.К. Сетевые методы в государственном управлении. М.: «Сам полиграфист», 2015. 146 с.
22. Федорченко С.Н. Влияние политической культуры на специфику политико-менеджерских технологий // Постсоветский материк. 2014. № 1. С. 58-68.
23. Федорченко С.Н., Алексеев Р.А., Федорченко Л.В. Медиационная основа технологий политического менеджмента // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2014. № 3. С. 42-54.
24. Федорченко С.Н., Федорченко Л.В. Сравнительный анализ политической культуры США и стран Европейского союза // Вестник Волжской государственной академии водного транспорта. 2015. № 43. С. 143-148.
25. Федорченко С.Н., Федорченко Л.В. Политическая культура России и латиноамериканских стран через призму научных исследований // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт (мат-лы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием). Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2015. С. 193-203.
26. Хайек Ф.А. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005. 264 с.
27. Weber M. Economy and Society: An Outline of an Interpretive Sociology. Berkeley: University of California Press, 1978. 1470 p.